

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также за идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие — уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью, подобно фольклору или бродячим сюжетам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «СТАЛКЕР»

Аркадий и Борис Стругацкие. ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО
Дмитрий Силлов. ЗАКОН «ДЕГТЯРЕВА»
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРИЗРАКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ҚЛЫКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ДОЛГА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СВОБОДЫ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН МОНОЛИТА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СТРЕЛКА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН СТАЛКЕРА
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ТОРГОВЦА

НОВАЯ ЗОНА

Александр и Надежда Навара. ТАКТИКА ГОРОДСКОГО БОЯ
Светлана Кузнецова. ХРУСТАЛЬНАЯ УГРОЗА
Игорь Недозор. ДИКИЙ ГОН
Ольга Крамер. ПРИВЫЧКА ВЫЖИВАТЬ
Светлана Кузнецова. КРАДУЩИЙСЯ ВО ТЬМЕ
Ольга Крамер. ИЗЛОМ СУДЬБЫ
Ольга Крамер. НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ
Сергей Клочков СИНДРОМ ЗОНЫ

ПИТЕРСКАЯ ЗОНА

Виктор Точинов. ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА
Игорь Недозор. ПСЫ ПРЕИСПОДНЕЙ
Дмитрий Романецкий. БУСТЕР
Дмитрий Манасыпов. ЗАПАС УДАЧИ
Николай Романецкий. МЕНТОЛ
Дмитрий Манасыпов. ТЕМНЫЙ АДРЕНАЛИН

РАДИАНТ ПИЛЬМАНА/ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ

Андрей Альтанов. ГАЙКИ, ДЕНЬГИ И ПИЛА
Сергей Вольнов. РЕЖИМ ЧЕЛОВЕКА
Сергей Вольнов. ЗА МИГ ДО РАССВЕТА
Сергей Вольнов. ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА
Виктор Точинов, Александр Щеголев. АНГЕЛЫ АДА
Виктор Точинов. ЗВЕРИ ЗЕМЛИ
Сергей Вольнов. ШИФР ОТЧУЖДЕНИЯ

ЗОНА БУДУЩЕГО

Сергей Вольнов. ПРЫЖОК В СЕКУНДУ
Александр Арсентьев. РЕЙД

СТРАХЕР

Сергей Клочков

**[НОВАЯ ЗОНА]
СИНДРОМ ЗОНЫ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К50

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Серийное оформление — *Э. Кунтыш*

Компьютерный дизайн — *А. Смирнова*

Художник — *С. Амелин*

Клочков, Сергей Александрович.

К50 Новая Зона. Синдром Зоны : [фантастический роман] / Сергей Клочков. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Сталкер).

ISBN 978-5-17-116181-1

Какой сталкер не мечтает о своем доме под проливными дождями Зоны? Кто из них не хотел бы выбраться из вечной грязи и смерти туда, где вместо вечных туч и мороси светит солнце, шумит прибой, где наконец можно отдохнуть и забыть о Зоне? Иногда мечта сбывается. Но почему тогда ночами опять приходят бешеные адреналиновые сны? И уже замирает взгляд, и больше не найти покоя под теплым южным небом, и зовет, зовет что-то нас обратно, в пыль и мрак, в тусклый свет, где в заброшенных домах мелькают кривые тени...

Что поделать, если у нас на двоих один синдром, одна судьба и одна дорога, стажер? Только ждать, а уж Зона, поверь, найдет способ позвать обратно.

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116181-1

© Клочков С., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЧАСТЬ 1

ДОМ

«...И к другим новостям. В Самаре подходит к завершению строительство микрорайонов Лопатино и Новая Дубрава. В рекордные сроки отстроено более двухсот пятидесяти современных многоэтажных зданий, выполненных по революционной сборной технологии. Были привлечены не только российские, но также итальянские и китайские строительные фирмы. Впервые в России были опробованы автономные строительные роботы китайского производства, и первые здания, созданные почти без участия человека, уже проходят государственную приемку. По предварительной информации мэрии, к ноябрю следующего года десятки тысяч семей смогут вселиться в новые благоустроенные квартиры. По-прежнему острым остается вопрос со строительством жилых зданий во Владивостоке, Чите и Красноярске. Правительство рассчитывает привлечь дополнительные инвестиционные средства. Также на повестку дня вынесен вопрос о вынужденном повышении подоходного налога до девятнадцати с половиной процентов и экстренной национализации крупнейших энергетических компаний. Законопроект будет внесен на рассмотрение на следующем слушании, но парламентарии убеждены, что подобные меры являются временными, и по выходе из острой фазы кризиса налоги вернутся к привычным для нас цифрам. Мониторинг Московской, Кыштымской и Новоземельской Зон показал, что в ближайшее время не стоит опасаться резкого расширения границ аномальных территорий. Ряд ученых высказывают осторожные предположения о грядущей стабилизации Зон и даже, с некоторой вероятностью,

их постепенной самоликвидации. В нашей студии сегодня находится представитель пресс-службы НИИАЗ, младший научный сотрудник Роман Викторович Бельков, который и расскажет нам о том, при каких условиях аномальные территории теоретически смогут стать обычными. Итак, предоставим ему слово...»

— Не, не нужно ему слово предоставлять. Ничего нового он нам не скажет. — Я убавил громкость в телевизоре до минимума и, оставив Романа Викторовича бесшумно, но при этом солидно шевелить ртом в камеру прямого эфира, вышел на террасу. В какой уже раз эти как бы ученые высказывают эти свои предположения? Наверное, в седьмой, не иначе. Правда, если самые первые прогнозы на камеру были уверенными и строгими, то где-то на пятый раз они стали уже допущениями, «по некоторым данным, достаточно вероятными». Да, точно, хорошо помню это официальное заявление, когда на Новой Земле жажнуло, как раз над бывшим полигоном. И в прошлый раз вот тоже — «по некоторым данным, дальнейшего роста не ожидается», — хотя это был скачок Невадской Бездны сразу на полторы сотни квадратных километров. И теперь нате вам — уже «осторожное предположение». Не было у них раньше этих самых «осторожных». Всякое было. Репортаж о Вспышках над Москвой, который потом уже не повторяли. Потом бравый отчет об эвакуации, но при этом натужный какой-то, дерганый. Интервью с профессором одной экспедиции. Той, которая, собственно, одна из всех московских и вернулась. И в общем-то поначалу излагал профессор уверенно, спокойно и без бумажки. А потом оператор зачем-то крупный план дал, и зря он это сделал. Лицо профессора заметили, нельзя было не заметить, от чего вся бодрая речь сразу пошла насмарку. С тех пор, собственно, и завел НИИАЗ себе особый отдел с «младшими научными», точнее, конечно, не сам завел, а по требованию свыше. И приносили нескольким новым «сотрудникам» правильные бумажки, делали они профессионально-качественное лицо и болботали с экранов успокоительные мантры. Хотя это тоже надо — работа у них, по сути, нужная. Нельзя, чтобы население еще раз глаза того

профессора увидело, просто нельзя, и все тут. И не узнают теперь рядовые граждане от пресс-службы НИИАЗ ни про маленькую такую и пока еще секретную Воронежскую Зону размером всего километр на полтора, ни про недавно обнаруженные «слабоактивные очаги» на Ямале и в Норильске, ни про «северное сияние» над Семипалатинском. Населению подготовили очередные «осторожные предположения», которые означают лишь то, что Зоны растут, ученые все так же ни бельмеса не понимают, а дальние экспедиции не возвращаются. НИИАЗ же, как и годы до того, демонстрирует энергичный общепримирующий бег на месте. Ну, не хотят Зоны, чтоб их формулами и расчетами понимали. Если их вообще понять можно...

А я и сам тоже хорош, нечего сказать. Вместо того чтоб заняться делом, точнее, даже делами, сижу и смотрю телевизор, причем без звука. Умеешь ты, Лунь, побыть лодырем, нравится тебе это занятие, что уж греха таить. Но, правда, на сегодняшний день у меня имеется ряд оправданий: статья для еженедельника НИИАЗ готова, лекция, в общем, тоже, хотя и не на бумаге. Получу я когда-нибудь по шапке от Яковлева за такое отношение к обязанностям, он на раздачу скорый. Впрочем, я его сразу предупреждал — толку от моих так называемых семинаров не будет, потеря времени. Он кивнул так задумчиво, вроде как даже согласился, но все-таки настоял на продолжении этих самых «вебок». Надо, говорит, надо, помоги ребятам. Хотят именно тебя слушать, на хорошем счету ты, мол. Доверяют. Завтра вон в пять вечера прямой эфир назначен, подумать только, сразу с полусотней вояк. Смешно даже. Лет семь назад они по мне постреливали периодически, а теперь я им же через интернет умные лекции читаю, как в Зоне выживать. Просил я, ох как просил Яковлева — мол, побойся ты бога, академик, отмени этот бред, чушь собачью, какие, на фиг, могут быть семинары по такой теме, там теории нет и быть не может. А он очки поправит, глянет с высоты своего богатырского роста и ухнет знаменитым голосом, что, мол, шалишь, сталкер. Нет, не отменю. Пусть даже пользы, как ты говоришь, нету, да и слышал я, что ты там мелешь, однако не отменю.

Группы после тебя чуть лучше выживают, Лунь. Примета у воинов теперь — после семинаров этого седого мужика из Зоны больше народу вернется. Эх, Яковлев, подлец ты, в сущности. Ничего я солдатикам и студентам вчерашним не смогу дать на этой дурацкой видеоконференции. Я это понимаю, и ты ведь тоже, зараза, понимаешь не хуже меня. А я потом каждую смерть на тех лютых землях и на свой счет тоже запишу, инструктор липовый, сталкер, понимаешь, на удаленке. Эх... если бы вернулся какой воин оттуда, приехал в гости и за все хорошее мне высказал по морде, то, наверно, куда проще мне было бы в плане совести. Может, тогда бы Яковлев меня правильно понял и все отменил.

Впрочем, приезжал как-то один лейтенант, было дело. Шрам на пол-лица, глаза одного нет, рот скосило ожогом. Думал, сейчас он меня ломать начнет, уже сгруппировался. А тот ящик коньяка из багажника на стол бух, обнял помедвежьи и, слова не давая сказать, выдал: «Спасибо, кореш, за друганов моих спасибо, за взвод мой, и вообще всем своим скажу, чтоб тебя слушали. Не смотри, что рожей пригорел, это по глупости, сам виноват. А то, что если Вспышка в синеву отдаст и грозой пахнет, то не в окоп и не в блиндаж надо прятаться, а на дерево лезть, это ты верно, братка, сказал. Соседи под землю полезли, как по уставу положено, где и спеклись мозгами, а я своих пацанов на вышки загнал, и все живы. Все мои живы, братка. От наших ребят тебе вот, это вкусно, угощайся». Посидели мы с ним, поболтали за жизнь, небольшую часть подарка в процессе приговорили, и попросил я его у бойцов своих агитацию провести, с Зоной завязать чтоб насовсем. Второй такой удачи не будет, не дает обычно эта тетка другого шанса. Вроде послушал он меня. Но и он попросил семинары не бросать. Нужны, мол, нужны «пацанам все твои расклады с картинками, братка».

Эх, боец... знал бы ты, как меня подташнивает перед такими «лекциями», а еще сильнее — после них. Каждый раз в самом начале дурацкого своего семинара говорю им, чтобы ни шагу туда не делали, думать про это забыли, о родителях или, там, невестах своих вспомнили. Что на сыновьях с дочками потом скажется, паскудная там лотерея выходит с деть-

ми после того, как родители по Зонам работали. Что если самих не убьет, так изуродовать может страшно. Чтоб завтра же никаких контрактов. Но... кивнут понимающе, улыбнутся в камеру, мол, понимаем, традиция, а теперь, товарищ инструктор, что можете сказать о признаках пространственных искажений на маршруте? И записывают, слушают, кивают бритыми затылками или строгими косами и каре. А куда им деваться? Военному сталкеру через два года службы государственная квартира положена, не во владение, ясное дело, но целая квартира, двушка или даже трешка. По нашим временам за одно только это любой семейный воин, не раздумывая, страшную свою бумажку подмахнет, больше скажу, конкурентов локтями распихает, если придется. А там и пенсия нешуточная. Зарплата тоже. Ведь у них семьи, дети, и многие до сих пор в общагах и по родственникам ютятся, с тех пор как Зона по столице разбежалась. Вот и идут в гиблые земли — экспедиции сопровождать да на блокпостах дежурить. А я не могу обо всем предупредить, не профи я, ну вот ни разу не профи, обычным бродягой был, просто обстоятельства тогда удачно сложились. И Хип туда же: «Лунь, ты должен. Старайся. Меня водил, много водил там, видишь, я до сих пор живая. И они живые будут. Может, их Зона пожалеет, когда о тебе вспомнит. Тебя-то она любила, при мне признавалась». И как током от этих слов, совсем девчонка берегов не видит. Злюсь, а она улыбнется так, в плечо уткнется, и все. Куда там злиться...

Все, телевизор на фиг. Давно пора было, кстати. Тем более что на улице южный май, глициния фиолетовым водопадом сразу за окном, и сквозь ее фантастический аромат едва пробиваются нотки прохладного йода — дышит море дневным бризом, дышит негромко, но могуче, свежо. А сверху бесконечное небо, и льдистая синь режет глаза — два полных года уже, как ушел из Зоны, от низкой серой хмари над головой, а до сих пор не могу ни привыкнуть, ни насмотреться досыта. Шумят под морским ветром острые башенки кипарисов, темных, густых, а вниз по холму, вдоль узкой, только нашей тропинки, засыпанной гравием и ракушечником, разрослись дикие, ни разу не стриженные заросли

терна и белой акации. Но море все равно видно, синий, под стать небу, клин с белыми барашками пены, и даже часть дощатой купальни на берегу. Вода еще чуть холодновата, май в этом году был почему-то поздним для Крыма, но если прихватить полбутылки белого сухого и кусок домашнего сулугуни, то можно и просто посидеть на лавке у самой кромки прибоя. Замечательно можно посидеть. Сбывшаяся мечта часто становится прогорклой, как перестоявшее на свету масло, но, наверное, не в моем случае. Домик, не очень большой, конечно, но именно такой, который и грезились в грязи и мраке дальних походов: огромные окна, светлые комнаты, широкая, просторная веранда. Почти все, что отсыпала мне Зона от своих щедрот, превратилось в белые стены с узором из голубой плитки, маленький бассейн на заднем дворе и запущенный, старый сад из грушевых и персиковых деревьев, которые были старше и домика, и меня с Хип, вместе взятых. Срубить деревья при постройке я не позволил, хотя подрядчик утверждал, что большого толку от сада уже не будет. Также не разрешил я снести серые, облупленные, но все еще крепкие флигель, беседку и летнюю кухню, оставшиеся от развалин старой, советской постройки усадьбы какого-то генерала. В ремонте они если и нуждались, то разве что косметическом, на который я отвлекался в качестве отдыха в виде смены занятий. А садом, теперь уже нашим садом, потихоньку занималась Хип: что-то подпиливала, что-то читала на сайтах, с интересом ковырялась на нескольких узких грядочках — и время от времени на столе появлялись пучки тонкого шнитт-лука и хрустящие красные ядра редиса с легкой перечной горчинкой. Кстати, должна она скоро уже и подъехать. Голодная будет, уставшая, но довольная — нравится ей на радио, кто бы мог подумать. Диджей с веснушками — на юге они чуть заметнее стали. А вот слегка бронзовый загар Зоны так и не сошел, разве что изменился немного. Как и у меня, в общем. Посижу чуток, подышу морским воздухом, пока бутылка не кончится, да и пойду ужин сочинять. Нравится Хип лаваш с чили и нарубленным жареным мясом под безалкогольный «Мохито» — ну, значит, так тому и быть. С работы добытчица

возвращается, не то что я, бездельник. Ну а пока время еще есть, надо попробовать...

«Пенка...»

Закрывать глаза, очистить голову от мыслей, совсем, до гулкой, пустой тишины, до темных облаков под веками. И в тишине, в самой глубине сознания, тоненькой серебряной стрункой — единственной мыслью в глухом теплом молчании — *зов...*

«Пенка!..»

Тишина. Чувствую, *знаю*, хоть и нет зрительного мыслеобраза, — живая она. Но тишина, тишина, опять ни одного знака от Пенки, ни одного *слова*. Не отвечает. Ну, еще раз. Сильнее. Ярче. Дальше...

«ПЕНКА!..»

Есть. Из клубящейся черноты закрытых век бледным призраком выступил лик — белая, как свежая известь, и гладкая, как фарфор, кожа. Огромной, черной бездной левый глаз и правый — раскосый, смешливый, и лицо совсем как у человека, только нос и рот маленькие, изящные даже. Оскалилась — улыбка хищная, зубастая, — узнала, значит, радуется так. Волосы отросли сильно, не подстригает уже, как раньше, и под пепельной волной теперь не видно лобных бугров псионика. И дрожит, дергается рябью изображение — ага, вон и травка речная мелькнула, — в воду, значит, Пенка смотрится, так и «транслирует». Но молчит. Давно молчит. Неужели все слова забыла, неужели уходит в свою собственную природу, на которой никак не приживется человеческий росток? Жаль, если так... хотя внешне не изменилась совсем. Все та же.

«Пенка, поговори со мной, не теряйся».

И опять веселый оскал, смешной прищур синего правого глаза. Сморщила нос, мотнула гривой волос, снова зубы, и ухнуло вправо *изображение*, смазалось клубками, исчезло. Все та же тишина. Молчит. И чувствую мягкий разрыв *связи*, уходит Пенка, не хочет говорить. Или, что намного хуже, уже не может.

Вздохнув и поболтав на свету остатки сухого испанского, я не стал доливать их в стакан, а принял прямо так, мето-

дом «горниста». Эх, Пеночка... псионик ты наш, дитя Зоны. Дичаешь без живого общения, отдаляешься. И проблема не в сотнях километров до тех земель, где ты охотишься и отдыхаешь, нет — мысль, правильно собранная и отправленная, долетит. Раньше-то мы нормально общались, сама сколько раз меня *звала*, бывало, сутками *на связи*. Ведь это ты меня научила там, в Зоне, и когда с того света вытаскивала, и потом, когда берегла нас на *гранях* мира. А теперь или вообще не дозовешься, или вот так. Забирает тебя Зона у нас, ревнует, видно. Не хочется даже думать, что однажды ты меня просто не услышишь.

А пока пяток говяжьих стейков на большую сковороду, и прожарить как надо, крепко, с корочкой, но не в подошву — нет, никак не приучу я себя к правильной готовке этого блюда. Представив укоризненный взгляд Яковлева — «что ж ты с мясом творишь, ирод?!», — я усмехнулся и добавил жара: что поделывать, если любим мы «неправильный» стейк. Порубил в отдельную посудину маленький кочан китайской капусты и занялся острым соусом. Да, не полезно. Да, не бывать мне шефом какого-нибудь «стейкхауса», но горячий, обжаренный до хруста лавашный «конверт» с нарезанным в соломку плотным мясом, домашним соусом, овощами и свежим халапеньо тонкими колечками — именно то, что любит Хип после трудного денька. Да и я, чего греха таить, разделял подобную любовь к странной пище. Семейный рецепт теперь, да.

Входная дверь стукнула, когда я уже заворачивал последний «конверт». Ну, удачно пришла, как раз к горячему.

— Привет, Лунь!

— Здравствуйте, товарищ диджей. Картошка готова. Садитесь жрать, пожалуйста.

Хип. Не, совершенно не меняется девчонка, хоть и за двадцать уже, а все та же, как и Пенка.

— Совсем не растешь, стажер. Кушаешь плохо. Тощая, однако, — сказал я как можно печальнее и, подпустив холодной критики во взгляд, осмотрел девушку с ног до головы. — Никуда не годится. Скоро от своих радиоволн качаться начнешь.

— Это я-то плохо кушаю? — И смех, и веснушки на носике, светло-русая, чуть высветленная крымским солнцем коса. — Смейшься?

И тут же прыжок, захват за шею, уверенный такой, повисла на плечах. Да, тоненькая, но сила вполне ощутимая у стажера имеется. В форме, скажем так. Перехватив Хип, как чемодан, под мышку, понес на кухню.

— Как день прошел, диджей?

— Да нормально. Жаль, попсы много стало, и ведь надо продвигать. Сделали черт-те знает что из хорошего радио. Тоже мне рокеры липовые. Я с ними ругаться буду. — Девушка попыталась вывернуться, легонько куснула за ухо, но я держал крепко. — Эй, сталкер... так и будешь меня, как кота, таскать? Ну что за дела такие?

— Дела житейские. А ругаться не надо. Просто гни свою линию, это твоя собственная передача. По ходу, народ ее в основном и слушает из всего репертуара.

— Если ты слушаешь, то это не значит, что все. Я ведь им хорошую, правильную музыку ставить пытаюсь, чтобы думали. А мне сегодня главный и говорит, что рейтинг, конечно, у тебя очень гут, но надо и тунц-тунц тоже хоть изредка врубать, люди требуют. О... их ли я вижу?

— Шаверма фирменная «Паленый сталкер», прошу любить и жаловать.

— Лу-унь!.. Спасибо! Вот веришь, так именно этого хотелось, пока домой ехала!.. Да поставь же ты меня на пол уже...

— Минералка только не охладилась еще, но это быстро.

— Да ну, брось, какая минералка... там у меня в багажнике местное красное, Надька с отдела рекламы принесла.

— Крымское?

— Да не морщись ты... да, крымское. Но не такое, как в магазине. У Надьки дед с советских еще времен сам делает, мастер. Шас приволоку. Попробуешь — офигеешь.

Да. Действительно, мастер. Рубиновая жидкость приятно согрела рот мягкой терпкостью, вино оказалось не приторное, без «тряпки», запах чистый и как будто даже с ноткой чернослива — надо же, действительно класс. Молодчина дед Надьки. Порадовал.

— Познакомишь?

— С Надькой? — Хип усмехнулась, ткнула кулачком в бок.

— Не. Мне бы на деда ее выйти, я бы заказал в наш маленький погребок этой амброзии. Шикарно. Не ожидал.

— А я о чем? Хорошо, попробую договориться. А под «Паленого сталкера» эта штука в самый раз пойдет.

Я не нашел, что возразить. Хип же проворно достала две свечи, бокалы, щелкнула выключателем, и кухня погрузилась в мягкий трепещущий полумрак.

— Что с Пенкой? — спросила она тихо и серьезно. — Не звал сегодня?

— Звал. Все то же. Только контакт еще быстрее порвался, чем позавчера.

— Речь?

— Вообще никак, совсем. Меня еще узнает, это видно, но не знаю, надолго ли.

— Нам в Зону надо, Лунь. Найти ее, поговорить вживую. Это поможет, я знаю.

— Яковлеву это скажи. Все, стажер, вцепились в нас крепко. Я уже несколько раз писал заявления на сопровождение, но служба безопасности аж на дыбы встает. Не нравлюсь я им конкретно, да и Яковлев никогда не позволит. Только удаленка.

— Это из-за того, что...

— Да. — Я прикоснулся к голове, где уже много лет не было ни одного темного волоса. Все, что на скальпе, давным-давно белое, аж в синеву, разве что брови да щетина нормальные, все еще «цветные». — Видишь ли, и по стажу, и по всем признакам я «измененный». Ну, не докажу я ученым, что в остальном вполне нормальный сталкер. Таким, как я, доступ в Зону закрыт навсегда. И с таких, как я, НИИАЗ теперь не слезет до самой смерти — им все надо. И инструктажи, и книги, и воспоминания до последней запятой. Спасибо, что хоть «лечащий ученый» именно Айболит, а не какой-нибудь кусок кабинетного профессора.

— Знаю. Измененные уходят в Зону и часто не возвращаются. Это синдром, — тихо проговорила Хип. — Я ведь

тоже из них, Лунь, это еще Айболит говорил. Не так сильно, как ты, но тоже. Получается, и меня не пустят. Да и ты одну не отправишь, знаю я тебя.

И смотрит. Туда, на север, смотрит Хип, словно сквозь стенку дома. Улыбается молча, и знаю я сейчас, какие у нее глаза, хоть при свечах и не видно. Замечал я этот взгляд. Возится с грядкой, или розы подрезает у терраски, или книжку читает в беседке — но вдруг замрет. Выпрямится. И долго-долго смотрит на север, по-особенному так смотрит. И не тоска, не горе в этом взгляде, нет, а словно жажда или притяжение какое-то. В немногих осколках памяти вот так же в детстве, после сказки, мы смотрели на далекую полоску леса, где, как нам рассказывали взрослые, водятся привидения и настоящие, но добрые лешие и говорящие звери. И жутко, и сладко, и тянет туда, замирает взгляд, силясь рассмотреть волшебство в дрожащей зеленой линии у горизонта. Вот и Хип сейчас туда смотрит очень похоже. На север. Но никогда не говорит зачем, да я и не спрашиваю. Потому как она замечает и мои взгляды. Такие же, что там говорить...

— Слушай, Хип... а может, она и не хочет с нами, людьми, общаться? Может, там без нас в тысячу раз лучше? Зачем ей, в сущности, общение с человеком? Выглядит счастливой, серьезно, и ей не нужно вот это вот все.

— Я об этом тоже думала, сталкер, — кивнула девушка, невесело улыбнулась. — Люди, знаешь, не подарок для существ Зоны. Они и для других людей часто не подарок совсем.

— Попробую спросить в следующий раз. Завтра к вечеру. Но... не хотелось бы разбежаться. Привязался я к ней.

— И я, Лунь. У меня даже чуть получалось раньше с ней говорить, знаешь. Она меня тоже научила немного. Сейчас совсем не слышит, вообще. Хорошо, что ты еще можешь... дозвониться. Кстати, ты сегодня опять к морю ходил?

— Да, было дело.

— И телефон, конечно, не взял. А мне, между прочим, Проф звонил, тот, который Зотов. Говорил, что ты трубку не берешь. Приедет на днях на плановый осмотр. Может, даже завтра — он в Севастополе был, на конференции.